

ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА

увлекательные истории
жизни римлянок всех сословий

Джон Перси Бэлсдон

Джон Бэлсдон

**Женщины Древнего Рима.
Увлекательные истории жизни
римлянок всех сословий**

«Центрполиграф»

Бэлсдон Д. П.

Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий / Д. П. Бэлсдон — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5209-1

Профессор Оксфордского университета, член Британской академии, автор ряда исследований по древней истории Джон Перси Бэлсдон посвятил свою книгу женщинам Древнего Рима. История римских женщин – это многовековая история представительниц всех слоев римского общества. Женщины никогда не управляли Римом, но это не означает, что они не участвовали в формировании имперской политики. От них, в особенности от исполнения ими жреческих обязанностей, например, зависело здоровье общества, а символом государственной морали были девственницы-весталки, которые гарантировали экономическое процветание страны. Автор охватил более чем тысячелетний период, описывая многих женщин, родившихся в римских провинциях и ставших частью римской истории.

ISBN 978-5-9524-5209-1

© Бэлсдон Д. П.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
Глава 1. Ранний республиканский Рим	10
Основание Рима: волчица и другие женщины	10
Похищение сабинянок	11
Невинные девушки, жадные до утех мужчины и, как следствие, улучшение управления	13
Мать Кориолана	15
Жертвы и службы	16
Нравственный упадок в послевоенные годы	17
Вакхический скандал	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джон Перси Бэлсдон
Женщины Древнего Рима. Увлекательные
истории жизни римлянок всех сословий

*В истории нет ничего такого, что могло бы меня рассердить
или расстроить: мужчины ни на что не способны, а уж женщины – и
подавно.*

Мисс Морлэнд.

Нортенджерское аббатство

© ЗАО «Центрполиграф», 2016

Введение

Эта книга охватывает более чем тысячелетний период, от «основания Рима» Ромулом и Ремом в 753 году до н. э. и до смерти Константина в 337 году н. э. Но поскольку нельзя не упомянуть об Энее, бежавшем из Трои после ее падения, которое, по мнению alexсандрийских ученых, случилось в 1184 году до н. э., временные рамки нашего рассказа были раздвинуты. Он охватывает эпоху царей (753–510 гг. до н. э.), республику (509–27 гг. до н. э.) и первые три с половиной столетия существования империи – то есть то время, когда Рим впервые привел свой дом в порядок и подчинил себе весь Итальянский полуостров, а потом создал империю, которая раскинулась от залива Солвей до Сахары и от Атлантического побережья до Евфрата.

Женщины никогда не управляли Римом. В древности, во времена царей, и позже, в эпоху империи, действовал римский эквивалент салического права (которое запрещало женщинам управлять государством. – *Пер.*). В Древнем Риме не было цариц (все они были женами правящих царей), а в более поздние времена – императриц, которые правили бы самостоятельно. Трон передавался только по мужской линии. Однако это вовсе не означает, что женщины время от времени не приобретали огромной власти в республике, а позже не участвовали в управлении империей (и не всегда – за сценой), а также в формировании имперской политики.

Исторические документы не ограничиваются деятельностью царей, королей и императоров. Они включают в себя и социальную историю римского народа, а история римских женщин – это многовековая история представительниц всех слоев римского общества. И в этом нам повезло, ведь начиная с V века до н. э. иностранцы – в основном греки – постоянно писали о Риме, и нам хорошо известно, как они характеризовали римских женщин. К примеру, в своих «Римских вопросах» Плутарх подробно описывает женщин и их обычаи. Почему в далеком прошлом, когда римлянин возвращался из деревни, он посылал гонца предупредить жену о скором приезде? Почему римские женщины целовали своих близких родственников – мужчин, а вступив в брак, и близких родственников своего мужа? Чем объясняется исключительная сложность римских брачных ритуалов? Но больше всего поражало греков то, что в Риме женщинам из благородных семей разрешалось присутствовать на пирах!

Участие женщин в общественной и социальной жизни Рима объясняется, как и во всех древних обществах, двумя причинами.

Во-первых, у женщин были собственные ритуалы и праздники. От их примерного поведения и, в особенности, жреческих обязанностей зависело здоровье общества. Жены некоторых жрецов сами были жрицами. Символом государственной морали были девственницы-весталки, которые гарантировали экономическое процветание страны. Поэтому моральная нечистоплотность весталок расценивалась как государственная измена и безответственные выходки мужчин, вторгавшихся в дом во время отправления культа, в котором могли принимать участие только женщины, считались преступлением против общества. (Описание такого культа приводится в гл. 12.)

Во-вторых, женщины рожали детей, обеспечивая продолжение рода и выживание всего общества. Отсюда проистекало политическое значение браков между родовитыми семьями. Если же заглянуть глубже, то мы увидим, что начиная со II века до н. э. римляне были обеспокоены демографическими провалами из-за высокой детской смертности и гибели женщин во время родов. Во II веке до н. э. мудрые государственные мужи, а за ними и императоры стали принимать меры для повышения рождаемости. Когда призывы уже перестали действовать, власти начали выплачивать семьям, имевшим детей, в которых государство отчаянно нуждалось – в особенности для пополнения легионов, – крупное вознаграждение.

В развивающемся обществе история женщин – это история их эмансипации. Более чем за сто лет до гибели республики женщины восставали против брачных обычаев, которые

намертво приковывали их к мужчинам и не позволяли сбросить эти цепи. Они боролись против бессмысленной строгости закона. Разводов, сначала очень редких, становилось все больше, и они превращались в большую неприятность. Новые веяния приходили в Рим из Греции; молодые девушки – и юноши тоже – стали учиться петь и танцевать. Хроники отмечают, как возмущались по этому поводу старики, пуритане и ханжи. Тем не менее подобные процессы в обществе остановить было уже нельзя. Женщины сами себя освободили. Они обрели свободу, а в последние годы республики и во времена империи наслаждались полной вседозволенностью.

В Риме были проститутки; на закате республики и позже – дорогие содержанки; были уважаемые всеми наложницы, и были *casta puella*, добропорядочные жены, матери семейств, которые руководили образованием своих сыновей и, совместно с дочерьми, пряли пряжу и шили домашнюю одежду для мужей. Во времена поздней республики прославились дамы, которым надоело быть добропорядочными матронами и которые пустились во все тяжкие. Они становились куртизанками, иногда весьма знаменитыми; или же начинали вмешиваться в политическую карьеру своих мужей и сыновей и обретали славу другого рода. Во времена империи статус подобных женщин сильно вырос. Редко какая имперская семья не имела своих выдающихся женщин. Возможности для удовольствий и развлечений были безграничны, такими же были возможности и для власти, если женщина имела слабохарактерного мужа или ее муж был младшим сыном императора.

С основания Рима до смерти Константина прошло много лет, но только в последние четыреста лет, в последние годы республики и в течение всего периода империи, в Риме жили женщины, которые оставили после себя заметный след.

До этого в древнем римском мире настоящими сильными характерами, и то преимущественно на сцене, обладали вовсе не римлянки, а гречанки. Многочисленные дошедшие до нас пьесы Плавта и Теренция, которые ставились в Риме в конце III века до н. э. и в первые годы II, были адаптацией пьес Менандра и других греческих драматургов. Они были написаны и сыграны в Афинах более чем за сто лет до этого. Мир этих комедий был столь же условен, как и мир современной пантомимы. Это был мир престарелых мужей и подозрительных жен, их красивых, полнокровных и развращенных сыновей, мир куртизанок, сводников и доносчиков. В конце пьесы обнаруживалось, что куртизанка (рабыня, которую выкупил на свободу ее любовник) вовсе не была рабыней. Выяснялось, что она родилась свободной, что ее украли в детстве и она стала жертвой совершенно невероятного стечения событий. И ее любовник наконец мог жениться на ней и сделать из нее честную женщину.

Но это были греческие пьесы, переведенные на латынь, и порой трудно понять, имеют ли они какое-нибудь отношение к жизни римских женщин.

После этого жили поэты, которые посылали молодым женщинам стихи и посвящали им поэмы. Самые талантливые появились в течение полувека – в последние дни республики, в годы гражданской войны и правления Августа. Катулл и Проперций были страстными и романтическими любовниками, а Гораций и Овидий – филантропами самого изысканного толка.

От Римской империи до нас дошли яркие и ядовитые сатирические изображения женщин, в особенности сатиры Ювенала. Однако называть Ювенала, Марциала – и даже Тацита – женоненавистниками глупо. На языке ненависти и презрения женщины не могут рассчитывать на лучшее отношение, чем все общество в целом, которое, по мнению сатириков, не только способствовало их деградации, но и само было ей подвержено.

Но насколько правдивы описания сатириков? В том, что такие женщины, которых вывели Ювенал и Марциал, в Риме существовали, не может быть никаких сомнений. Однако думать, будто все они были такими, совершенно неправильно – это все равно что представлять себе английское общество конца XIX века по пьесам Оскара Уайльда или это же общество 20–30-х годов XX века по романам Олдоса Хаксли и Ивлин Во. Леди Брэкнел, миссис Уимбуш и леди Метролэнд вряд ли помогут нам составить верное представление о том, как жили и

какими были английские женщины в первой половине прошлого века. Тут надо обратиться к писателям с менее язвительным складом ума, каким был Голсуорси; и хотя герои Голсуорси тоже склонны к сумасшествию, его больше интересует характер нормальных людей, вроде тех, которые описывал в конце I века н. э. молодой Плиний.

Женщины, знакомые нам по произведениям литературы, созданным в основном историками и поэтами, принадлежали высшим слоям римского общества или были ему интересны. Тем не менее художники и скульпторы оставили нам изображение и других женщин из разных слоев общества. Музеи всей Италии, большей части Европы и даже Америки наполнены их бюстами, имеющими портретное сходство. Что же касается женщин времен цезарей, то мы видим их изображения на монетах – на которых, по обычаю того времени, люди были сильно приукрашены. Портреты женщин находим и на фресках, украшавших дома и виллы в Помпеях и других местах. Однако это совсем небольшая и не репрезентативная часть римских женщин, ибо на фрески попадали лишь знаменитые и богатые. Жизнь простых женщин – рабынь или отпущенниц, а также представительниц низшего и среднего классов – можно воссоздать лишь приблизительно и только в том случае, если имеются данные археологии и эпиграфии. На могилах и надгробных камнях сохранились надписи, которые можно прочесть. Эти надписи рассказывают нам о достоинствах простых женщин. Их иногда дополняют вырезанные из камня рельефы, по которым, хотя они частенько выполнены весьма неумело и неточно, мы можем судить, как выглядели эти женщины. Сохранилось огромное количество портретных голов и бюстов, которые демонстрируют одежды римских женщины и, что самое интересное, их прически. А благодаря находкам археологов мы можем увидеть и поддержать в руках вещи, которыми пользовались эти женщины. Это ювелирные украшения, которые они носили, предметы, которые держали на своих туалетных столиках, а также их кастрюли и сковородки.

Однако все поэты, историки и сатирики были мужчинами, и можно только сожалеть, что до нас не дошло ни одного женского описания внешности римских представительниц прекрасного пола в первые годы существования Римского государства, в дни поздней республики и гражданской войны или в экстравагантном и опасном мире цезарей. Лишь очень немногие женщины писали книги, а из написанных – ни одна не сохранилась. Все на свете можно было бы отдать за то, чтобы хотя бы мельком заглянуть через плечо Тацита, когда он читал рассказ Агриппины Младшей, матери Нерона, о трагической жизни своей семьи, написанный ее собственной рукой!

К удивлению греков и других иностранцев, мужчины римских семей имели два, а то и три имени (второе имя всегда было фамильным), зато женщины – в эпоху республики – почти всегда должны были довольствоваться лишь одним – фамильным¹. Если в семье было несколько дочерей, то все они получали одно и то же имя². Для того чтобы различать их, к нему добавляли слово «старшая» или «младшая» или число: «первая», «вторая» и «третья». Женщина сохраняла свое имя после замужества³, прибавляя к нему имя мужа (в родительном падеже).

Во времена империи эта экономия женских имен прекратилась. Для женщин стало обычным явлением иметь два имени – первым было фамильное, вторым – третье имя отца или матери. Чаще всего использовалось именно это имя. В результате одна нелепость сменила другую. К примеру, жена Германика (Випсания Агриппина) и ее дочь, мать Нерона (чье полное имя было Юлия Агриппина), известны нам как Агриппины. Аналогичным образом жену Марка Аврелия и ее мать, жену Антония Пия, звали Фаустинами. По мере того как империя

¹ Исключение составляла семья Цецилия Метелла, чья дочь имела два имени – Цецилия Метелла. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Все три сестры Трибуна П. Клодия, жившего в последние годы республики, звались Клодиями.

³ Женщина, которая, по утверждению Ювенала, восемь раз выходила замуж, до самой смерти носила имя, которое приобщила ей при рождении.

расширялась, женщины приобретали все больше и больше имен. Старшую дочь Марка Аврелия и его жены Фаустины звали Анния Аурелия Галерия Луцилла. Но самое длинное имя имела жена Александра Севера: Гнея Сейя Херенния Саллюстия Барбия Орбиана.

Поскольку героинями этой книги являются римские женщины, мне пришлось отказаться от удовольствия описать женщин из варварских племен, живших по обеим сторонам границ империи. Например, храбрых женщин Британии, которые встретили на берегу римлян, высадившихся в Англси в 60 году н. э. Тех, которые, как писал Тацит, «держали в руках горящие факелы и напоминали фурий, облаченных в черное, с всклокоченными волосами», или добродетельных девиц Германии, вроде тех, что захватили в плен Каракаллу. Когда их спросили, что они предпочитают – рабство или смерть, они ответили: «Смерть», а когда их все-таки продали в рабство, они убили себя и своих детей. Кроме того, мне пришлось отказаться от описания многих замечательных женщин: легендарной Дидоны и существовавшей в действительности Карфагенской Софонисбы, Клеопатры, а также дамы, возглавившей защитников Англси, королевы Боадии, «огромной женщины, дородной и сильной, как мужчина, с горящими глазами и резким голосом, чьи густые светлые волосы ниспадали до самой талии». Однако в поздней империи нашлось место для Зенобии; кроме того, я описал многих женщин, родившихся в римских провинциях, которые стали частью римской истории. Это императорские жены из Галлии, Испании и Африки и две потрясающие дочери Сирии: жена Септимия Севера Юлия Домна и ее сестра Юлия Меса. Она стала бабушкой Элагабала и Александра Севера, которая воспитала этих двух императоров. Здесь будет рассказано и о женщине простого происхождения, предки которой были британцами и которую Марциал назвал настоящей римской женой. Ибо римляне умели превращать варваров в цивилизованных людей, в чем и заключалась причина их неизменных побед.

Часть первая

История

Глава 1. Ранний республиканский Рим

Основание Рима: волчица и другие женщины

Существует миф, основанный на рассказе Аристотеля, о том, что предположительно в XII веке до Рождества Христова Эней и его товарищи, бежавшие из павшей Трои, закончили свое путешествие в Италии. Когда мужчины отправились на охоту, их измученные женщины, поддавшись убеждению человека по имени Рим, подожгли свои корабли, и дальнейшее плавание стало невозможным. Этот рассказ был приукрашен такой историей: после того как дело было сделано, женщины испугались и бросились на шею своим братьям и отцам, умоляя защитить их от гнева мужей. Некоторые исследователи полагали, что отсюда и пошел обычай женщин Древнего Рима целовать при встрече своих родственников по мужской линии. Впрочем, другие ученые объясняли эту привычку желанием мужчин убедиться, что их женщины не пили вина.

Женщины не сыграли в основании Рима заметной роли, ограничившись лишь поджогом кораблей. Зато богиня Венера не осталась в стороне. Эней был сыном Венеры, следовательно, ее можно считать прародительницей всего римского народа, а в будущем – разве внук Энея не носил имя Иулий? – от нее пошел и род Юлия Цезаря. Однако римляне не имели прародительницы среди женщин – Ромулу и Рему подарила свою материнскую любовь дикая волчица (lupa).

Если верить легенде, родители положили своих нежеланных младенцев, братьев-близнецов Ромула и Рема, в корзину и бросили ее в воды разлившегося Тибра. Вскоре, однако, вода спала, и они очутились на сухой земле у подножия Палатинского холма. Пастух Фаустул, живший в хижине на склоне холма, спустился к реке и увидел волчицу, которая кормила двух младенцев. Пока они насыщались ее молоком, она старательно вылизывала их покрытые грязью тельца. Это место стало священным – чтобы отметить его, было посажено фиговое дерево (ficus Ruminalis). Здесь же располагалась пещера (Lupercal), а на холме стояла хижина пастуха (casa Romuli), жене которого Акке Ларенции волчица доверила воспитание близнецов.

Бронзовая скульптурная группа, которую сегодня можно увидеть на Капитолийском холме в Риме (Кампидольо), состоит из двух частей, появившихся в разное время: фигура волчицы была создана этрусками в V в. до н. э., а близнецы – в эпоху Возрождения. Памятник волчице, кормившей своим молоком младенцев, был установлен на Капитолии еще в 296 году до н. э; само это событие изображали на римских монетах начиная с III века до н. э., так что потомство о нем никогда не забывало. В наши дни у подножия Тарпейского холма в Риме стоит клетка, в которой мечется несчастная волчица, напоминая туристам о легенде, связанной с возникновением города.

Однако кто же на самом деле был матерью близнецов? Ибо только в самой примитивной версии легенды это была волчица. Существовало много противоречащих друг другу историй, появление которых можно объяснить тем, что слово lupa (волчица по-латыни) означает еще и проститутку.

Для начала вспомним легенды об Акке Ларенции, в честь которой ежегодно, 23 декабря, в Риме устраивался праздник. Согласно одной из них, она была первой благотворительницей в

Риме, которому завещала свое огромное богатство, а о том, как она его приобрела, существует две версии. Самая грубая сообщает нам о том, что она была проституткой (lupa), и при этом исключительно успешной. Более живописен рассказ о жреце храма Марса, который однажды решил со скуки сыграть с ним в кости. Проигравший должен был накормить партнера и предоставить ему на ночь женщину. Жрец проиграл; он выставил на алтарь богатое угощение, которое тут же исчезло, и оставил на ночь в храме прекрасную Акку Ларенцию. Ей приснился сон, в котором Марс обещал ей, что она получит награду от первого же мужчины, которого встретит при выходе из храма. Этот мужчина (впрочем, мы не знаем, был ли он молодым и красивым или старым и уродливым, ибо легенды предлагали оба варианта) женился на ней, а когда умер – оставил ей все свое богатство, которое она, в свою очередь, завещала городу. Согласно третьей версии, она была женой Фаустула и заменила близнецам мать. Более поздняя легенда превратила ее в мать двенадцати сыновей; один умер, и вместо него она усыновила Ромула. Двенадцать жрецов входили в состав Арвальского братства, просуществовавшего все годы республики и еще очень долго – в Римской империи.

Греческие историки, стремившиеся связать Ромула и Рема с Энеем, который, в конце концов, был основателем Рима, не сообщают нам о столь выдающемся начале их жизни. Одни называют их сыновьями Энея, другие – сыновьями троянской женщины Роме, а третьи – внуками Энея от его дочери Илии. Но в этих историях имелась временная нестыковка – поскольку между Энеем (современником падения Трои в XII в. до н. э.) и основанием Рима Ромулом в VIII веке образовался разрыв более чем в четыре столетия и его надо было чем-то заполнить. Сделали это так: Эней стал основателем династии, и «выпавшие» четыреста лет стали временем правления его потомков, альбанских царей. Все эти расчеты во II веке до н. э. проделали рационалисты. Между Энеем и Ромулом они поместили династию альбанских царей: сначала Аскания, сына Энея, которого он привез с собой из Трои, потом Сильвия, сына Энея и Лавинии, на которой он женился в Италии, а потом – несколько поколений потомков Сильвии. Илия превратилась в Рею (так звали мать Юпитера) Сильвию (женское имя Альбанской династии).

История превратилась в мелодраму, в которой участвовали злодей и героиня. С течением времени некий Амулий сверг Нумитора, короля Альбы, а чтобы потомки Нумитора не смогли ему отомстить, убил на охоте его сына, а дочь Рею Сильвию сделал весталкой, чтобы она никогда не смогла родить детей. Но ее совратил то ли какой-то неизвестный человек, то ли Амулий, то ли сам бог Марс, когда она, исполняя свои обязанности весталки, ходила за водой.

Рея родила близнецов, но по приказу Амулия их положили в корзинку и бросили в реку – что их и спасло. Они выросли, убили Амулия, восстановили Нумитора на троне, которому он по праву принадлежал, а потом покинули Альбу и создали колонию – город, который был назван Римом. На все эти события ушел ровно 431 год, прошедший после падения Трои. Таким образом, разрыв между 1184 и 753 годами был заполнен.

А что же случилось с Реей? Попала ли она в тюрьму, где и умерла? Была ли она заточена туда Амулием и, в должное время, освобождена своими сыновьями? А может, ее бросили в реку (в Анио или Тибр) и на ней женился речной бог? Обо всем этом нам рассказывают легенды.

Похищение сабинянок

Согласно легенде, в Риме жили молодые люди из Альбы. Когда были сооружены стены, встал вопрос о создании правил для нового общества, которые должны были лечь в основу некоторых традиций римской цивилизации. Главным вопросом стали взаимоотношения мужчин и женщин. Считают, что именно Ромул установил ту жесткую и неизменную форму брака, которая получила название *confarreatio*, то есть такого союза, в котором жена должна полностью разделять с мужем его судьбу. Этот союз несколько столетий воспринимался женщинами

как нечто неизбежное; от него отказались только тогда, когда дали трещину сами основы социальной жизни. Так объяснили бы нам моралисты вроде старшего Катона.

В таком браке жена находилась в полном подчинении у мужа и развод был абсолютно невозможен. Иными словами, женщина ни при каких обстоятельствах не могла избавиться от своего мужа. Он же, при определенных условиях, мог от нее отказаться. Если она ему изменяла или предавалась пьянству – а злоупотребление спиртным, как утверждали римляне, самая главная причина измены, – то ее жестоко наказывали; муж и ее собственная родня становились для нее безжалостными судьями. Но если все шло хорошо, жена на протяжении всей жизни мужа была хозяйкой в доме, а случись ему умереть раньше ее, то ей, вместе с детьми, доставалось все его имущество. Если же детей не было и муж не оставлял никаких распоряжений относительно наследства, как полагалось по закону, то жена получала все его имущество и имения. Таким образом, богатые вдовушки, о которых писали сатирики более поздних времен, когда империя пришла в упадок, появились в глубокой древности.

Однако самые лучшие брачные законы не имеют никакой ценности, коль скоро нет жен; и, если верить легенде, молодые поселенцы столкнулись с этой проблемой, ибо женщин среди них не было. Они их просто не привезли с собой, поскольку основание нового города – вовсе не женское дело, а их новые соседи не собирались отдавать своих дочерей в жены молодым людям, которые уже прославились варварским поведением. И тогда молодые римляне решили показать, что вполне заслуживают этой репутации. Они объявили, что хотят устроить праздник, желая привлечь на него девушек. В Древнем Риме этот магнит был не менее силен, чем в современной Италии. Это был фестиваль, который просуществовал несколько веков под названием консуалия.

На него собрались толпы народа, и по сигналу Ромула все молодые люди схватили самых красивых девушек, которых смогли найти, и бросились бежать. Толпа гостей в ужасе рассеялась, а к молодым девушкам, захваченным в плен, в основном сабинянкам, римляне отнеслись с большим уважением. Этой ночью их никто не тронул, а утром Ромул прочитал им лекцию о превосходстве римских брачных обычаев над другими и назвал удачей представившуюся им возможность сочетаться браком по этим законам, что они тут же и сделали.

Эта захватывающая история стала частью римских легенд еще во II веке до н. э. Впрочем, ее могли придумать и для того, чтобы объяснить римские брачные обычаи, существовавшие в то время: ритуал похищения невесты, например, а также слово «Таласио», которое кричали во время свадебной процессии. Ибо, как гласит легенда, самые красивые сабинянки были похищены слугами богатого и привлекательного римлянина по имени Таласий. Слуги, пронося девушек через толпу, чтобы никто не попытался их отнять, кричали: «Таласио!», что означало «для Таласия», и все понимали, что эти девушки предназначены для всеми уважаемого господина.

Похищение сабинянок оказалось прибыльным для обеих сторон. Сабиняне объявили войну римлянам и, вероятно сыграв на алчности римской девы, весталки по имени Тарнея (хотя хотелось бы спросить: откуда здесь взялись римские девушки, и к тому же весталки?), они сумели захватить Капитолий. Римляне атаковали их со стороны Палатина. Началось славное сражение; тогда женщины, к тому времени уже беременные, вмешались и развели противников в разные стороны. Был заключен мир; сабиняне и римляне объединились и зажили в Риме рядом друг с другом. В одной из римских легенд говорится о том, что римляне дали родственникам своих жен торжественное обещание, что никогда не будут заставлять супруг молоть муку или готовить для них. Впрочем, об этом обещании, если оно и было сделано, очень быстро забыли.

Невинные девушки, жадные до утех мужчины и, как следствие, улучшение управления

Историю Рима писали не женщины, а мужчины, и к тому же ужасно консервативные и самоуверенные. Обуреваемые мыслями о том, что они живут во времена полного падения нравов, наступившего в последние два века до Рождества Христова, и уверенные в том, что женский пол не имеет никакого исторического значения, они тем не менее высоко ценили некоторых женщин, в особенности тех, кто прославился своим необыкновенно добродетельным поведением. Их пример должен был стать образцом для более поздних, еще более безнравственных времен или для тех женщин, которые погрязли в грехе и подвергались наказанию в соответствии со строгими моральными нормами, которые никогда не подвергались сомнению.

Впрочем, мы не можем сказать, что вся история Рима, с момента основания его Ромулом в 753 году до н. э. (или около того) и до захвата галлами в 390 году, связана с одними женщинами. Но она полна красочных легенд, в центре которых часто стоят женщины, хорошие или плохие.

Начнем с истории о жертве невинной любви, случившейся, вероятно, в середине VII века. В ту пору жили, каким бы странным это ни казалось, две семьи: Горации в Риме и Курации в Альбе. В каждой было по три сына, которые приходились друг другу двоюродными братьями (их матери были сестрами). Достигнув зрелости, они не нашли ничего лучшего, чем вступить в бой, который должен был решить, кому властвовать – Риму над Альбой или Альбе над Римом. Один из Курациев получил от сестры римских Горациев, с которой он был помолвлен, залог ее любви – плащ, который она соткала своими собственными руками. Этот плащ он должен был надеть в день их свадьбы.

Она увидела этот плащ промокшим от крови, когда ее брат, единственный, кто выжил в битве, с победой вернулся в Рим. Накинув его, он с триумфом прошел по городу. Убитая горем, она не смогла произнести ни слова поздравления; тогда он выхватил меч и пронзил ее с криком: «Отправляйся вслед за своей любовью к человеку, за которого ты собиралась замуж. Ты не думаешь ни о своих братьях, живых или мертвых, ни о своей стране! Да погибнет всякая римская женщина, которая прольет слезы по врагам Рима!»

Это убийство видели судьи, но в тот момент оно было оправданно. Кем были эти люди – человеческими существами или дикими животными? Такой вопрос задал себе грек Дионисий Галикарнасский, описывая это событие шесть веков спустя.

История гибели этрусской монархии и основания Римской республики в 510 году до н. э. связана с двумя женщинами: одной хорошей, а другой – плохой.

Царей в конце монархического периода приводили к власти женщины: сначала восхваляемая верующими, благородная Танакиль, которая добилась передачи трона своему мужу Тарквинию Приску, а потом и Сервию Туллию, своему зятю. Ее место заняла дочь Сервия Туллия.

Туллия была леди Макбет и Гонерильей в одном лице. Она организовала убийства своего мужа и сестры, чтобы выйти замуж за Луция Тарквиния Гордого, своего шурина, а потом велела ему захватить трон ее отца, царя Сервия Туллия, что и было сделано. Когда она возвращалась из Сената на Эсквилин, возница вдруг резко затормозил – перед ним лежало тело убитого царя. Туллию, однако, это не смутило: она выхватила у него вожжи и проехала прямо по трупу отца.

Так началось правление Тарквиния Гордого. Окончание его было не менее впечатляющим. Его армия осаждала Ардею, столицу богатой Рутулии, расположенную в двадцати трех милях к югу от Рима. Однажды, пьянствуя в своем шатре, сыновья Тарквиния, одним из которых был Секст Тарквиний, а другим – его кузен Тарквиний Коллатин, побились об заклад, чья жена ведет себя в отсутствие мужа приличнее. Вскочив на коней, они помчались в Рим и,

прибыв туда уже в темноте, обнаружили, что жены царевичей веселятся на пиру. До Коллатии было девять миль (по дороге в Тиволи), и, когда они прибыли туда, стояла уже глухая ночь. Однако красавица Лукреция, жена Коллатина, еще не спала – вместе со своими рабынями она сидела за ткацким станком. Коллатин выиграл пари, не зная, что тем самым приговорил жену к смерти. Ее увидел Секст.

Через несколько дней Секст явился в ее дом один – в конце концов, он был двоюродным братом ее мужа – и попросил пустить его переночевать. Когда все уснули, он вошел в спальню Лукреции и лег рядом с ней. Он овладел ею, пригрозив, что если она ему откажет, то он сначала убьет ее, а потом раба и оставит его обнаженное тело в спальне, сообщив всему миру, что, обнаружив их занимающимися любовью, наказал обоих, как они того заслуживали. На следующий день, получив от Лукреции все, чего хотел, он вернулся в военный лагерь. Опозоренная Лукреция вызвала своего мужа, отца (которому царь Рима, уходя на войну, поручил охранять город) и своих родственников по мужской линии – тот самый трибунал, который судил бы ее, если бы Секст исполнил свое обещание, – и, рассказав им свою ужасную историю, вонзила себе в грудь кинжал. Ее тело было выставлено на Римском форуме; Юний Брут страстной речью убедил жителей города изгнать царя и выбрать двух консулов (позже эти выборы стали образцом для всех последующих выборов в Риме) и создать республиканское правительство. Секст Тарквиний был убит людьми – и их, вероятно, было очень много, – которые уже давно таили на него злобу; царица Туллия бежала из Рима, «преследуемая, где бы она ни появилась, оскорблениями мужчин и женщин, которые призывали на ее голову гнев отцовских фурий».

Но даже после установления республики история, если можно употребить такое слово, повторилась, и еще одна женщина стала жертвой похоти тирана. Это была Вергиния, погибшая в 449 году до н. э. Два года ранее было приостановлено действие старых законов, и римляне избрали комиссию из десяти человек (децемвиров), которая должна была принять новые законы. Но, вкусив власти, децемвиры не захотели ее терять и после переизбрания в 450 году до н. э. оставались во главе Рима безо всякого на то права до 449 года до н. э. В тот год старший председатель комиссии Аппий Клавдий остался в Риме, хотя большинство его коллег отправилось в армию, чтобы отразить нападение врагов и защитить республику. И здесь произошел еще один скандал. Он стал следствием сексуального домогательства, не менее опасного по своим последствиям, чем то, что погубило Лукрецию. Он привел к свержению Тарквиниев и изгнанию их из Рима. Децемвиры закончили тем же, чем и цари, и потеряли власть по той же самой причине. Аппий Клавдий решил изнасиловать девственницу из простонародья.

Ей было пятнадцать лет, вполне подходящий возраст для брака, хотя она была еще школьницей. Она шла в школу, которая находилась рядом с Форумом, в сопровождении своей гувернантки (нутриксы), когда ее остановил некий М. Клавдий, слуга Аппия Клавдия, который доверил ему повернуть это гнусное дельце. М. Клавдий утверждал, что она – дочь одной из его рабынь, которая еще ребенком была украдена женой Вергиния и выдана за ее родную дочь. Он притащил девочку в трибунал Аппия Клавдия, чтобы доказать свое право на нее. Благодаря вмешательству бывшего трибуна Л. Ицилия, который был помолвлен с девушкой, и П. Нумитория, ее деда (или дяди), слушание дела было отложено на день. За это время ее отец Л. Вергиний успел приехать из армии. На следующий день Аппий Клавдий возглавил суд, выслушал дело и, невзирая на представленные доказательства, заявил, что Вергиния – дочь рабыни его слуги. Он по природе был не слишком умен и к тому же испорчен безмерной властью, а его душа и плоть воспламенились от страсти к этой девочке. У Вергиния был только один способ спасти честь дочери – заколоть ее. Рядом располагалась лавка мясника, а на столе лежал нож.

Ее тело, как и тело Лукреции, было выставлено на Форуме. Матроны и девицы прибежали из своих домов, оплакивая ее судьбу: одни бросали на ее гроб цветы и гирлянды, другие – пояса и ленты, третьи – игрушки своих детей, а иные – отрезанные локоны своих волос (так эту историю изложил Дионисий Галикарнасский).

После этого начался ужас: армия восстала, плебс (во второй раз в истории Рима) ворвался на священную гору; власть децемвиров была сброшена и восстановлена республиканская конституция; Аппия Клавдия арестовали. Он умолял вновь избранных трибунов не сажать его в тюрьму, «за компанию с ворами и разбойниками», но его никто не слушал. Он покончил с собой еще до того, как его дело было передано в суд. Слуга Аппия Клавдия, из-за которого разгорелся бунт, был изгнан из Рима. «Дух Вергинии, более счастливый после смерти, чем при жизни, бродил по домам, желая убедиться, что преступление не останется безнаказанным; но теперь, когда в живых не осталось ни единого преступника, он обрел свой покой», – сообщает Ливий.

Мать Кориолана

На четвертой миле от ворот Рима, отмеченной специальным камнем, по дороге Виа Латина, в последние годы республики стоял храм, посвященный женской удаче. Службы проводились в нем два раза в год – 1 декабря и 6 июля. Их посещали женщины, которые были замужем всего один раз. В храме стояла знаменитая статуя, на возведение которой женщины собрали деньги по подписке. После освящения она чудесным образом заговорила, и дважды произнесла: «Я дам вам собственность, которую вы мне отдали, собственность, которую вы мне посвятили, дамы». Это произошло очень давно, в начале V века до н. э. А событие, в честь которого, по мнению многих людей (совершенно ошибочно, кстати), был возведен этот храм, представляло собой самое благородное и удивительное деяние, совершенное женщинами ради Рима. Оно произошло между трагедией Лукреции и трагедией Вергинии, сразу же после 490 года до н. э.

В 493 году Марций одержал свою знаменитую победу над вольсками и захватил их город Кориоли; в честь этой победы он получил прозвище Кориолан. Он был патрицием самого реакционного толка: ненавидел простых людей, презирал трибунов. Он вел себя крайне бесцеремонно и, несмотря на свою военную славу, был изгнан из Рима. Тогда он поступил на службу к врагу и во главе вражеской армии двинулся на Рим. Сил отстоять город у римлян не было. Он стал лагерем в Фосса-Клуйлии, у четвертой дорожной вехи от Рима, и ему стоило лишь подойти и взять город. Жители отправляли к нему депутации, но он либо унижал их, либо прогонял. Наконец, в его лагерь прибыло посольство от женщин во главе с Ветурией, или Волумнией (Плутарх и Шекспир считали, что это была его мать), и его женой Волумнией (по другой версии – Вергилией). Мать принялась умолять его не входить в Рим; ее призывы к патристическим чувствам не возымели действия, тогда она стала взывать к сыновнему долгу перед матерью (которому подчинялся сам Эней). И Кориолан покорился ей и увел армию вольсков домой. Относительно того, как закончилась эта история, существуют две версии. Согласно первой, вольски, которых он обманул и лишил легкой победы, его убили (как думали Плутарх и Шекспир), а согласно другой – он жил еще долго и написал эпитафию: «Чем старше становишься, тем тяжелее изгнание» (об этом сообщает нам Ливий).

Сенат Рима решил увековечить победу женщин и приказал воздвигнуть на месте Кориоланова лагеря храм в честь женской удачи. Это было сделано в 487 году до н. э. или около того.

Все это, конечно, выдумки. Марций не был патрицием, он даже римлянином не был. Он был латином из Андеи, и армия, которую он возглавлял, была латинской, а не вольской. В основе договора, заключенного в час победы, лежит латинская версия о *foedus Cassianum*, великом договоре между латинянами и римлянами, подписанном в 493 году до н. э. Всю эту трогательную историю сочинили писатели IV века и римские историки II века до н. э., как выяснили современные ученые. Это тот самый случай, когда выдумка красочнее правды.

Жертвы и службы

В IV веке до н. э. легенды начинают уступать историческим сведениям, но женщины по-прежнему располагаются не в центре, а по краям исторической сцены.

Дебют женщины-отравительницы, весьма популярной фигуры в римских анналах (как и в хрониках других городов, древних и современных, созданных до того, как стали ясны причины желудочно-кишечных заболеваний), состоялся в 331 году до н. э. В тот год состоялся первый, зафиксированный в летописях, суд по делу об отравлении. Тогда умерло много знатных людей, а обстоятельства их смерти были столь схожими, что предположить какую-нибудь случайность невозможно. Показания дала рабыня, она же отвела судей на место, где несколько замужних женщин готовили какой-то напиток. Они уверяли, что он не только не ядовит, но, напротив, тонизирует организм. Доказать это можно было, только выпив его; пригласили двадцать женщин высокого социального положения, которые должны были проверить, правда ли это. Они выпили напиток и тут же умерли. Было арестовано и осуждено 170 женщин-отравительниц. Однако Ливий не сообщает нам, что с ними стало – казнили их или нет. Он просто рассказал эту историю, сделав при этом оговорку: «Рассказ об этом содержится не во всех исторических книгах, а только в некоторых; и я надеюсь, что все это неправда».

Позже, в 180 году до н. э., произошел еще один случай. Умер консул; выяснилось, что он был отравлен женой Хостилией, которая хотела, чтобы освободившееся место занял ее сын. В 154 году два выдающихся человека – один из них Постумий Альбин, консул – были отравлены женами. Семьи этих женщин, не теряя времени, удавили их.

Сооружение второго храма Венеры, в честь Венеры Покорной, в 295 году не обошлось без черного юмора. Было обнаружено, что несколько замужних женщин занимаются проституцией. Их оштрафовали, а вырученную сумму пустили на строительство храма.

Однако другие римские женщины посвящали себя более достойным деяниям. Существует очень интересный, хотя, по мнению некоторых ученых, не соответствующий истине рассказ о сооружении храма Венеры Лысой (Венера Кальва). Говорят, он был воздвигнут в честь римских женщин, которые остриглись налысо и отдали свои волосы для изготовления тетивы для луков, когда в 390 году до н. э. галлы осадили Капитолий. Было также несколько случаев, когда женщины отдавали государству свое золото; в первый раз это случилось в том же 390 году, когда галлы под предводительством Бренна захватили и разграбили весь Рим, пощадив лишь Капитолий. Прежде чем покинуть город, они потребовали, чтобы им заплатили выкуп в тысячу фунтов золота. Второй случай произошел во время 2-й Пунической войны в 215 году до н. э., через год после разгрома римлян под Каннами, когда Ганнибал и его армия одерживали в Италии одну победу за другой. Трибун Ц. Оппий издал указ, согласно которому женщинам разрешалось иметь лишь половину унции золота; им было запрещено носить яркие одежды, и все они, за исключением жриц, направлявшихся к месту своей религиозной службы, лишились права ездить по улицам Рима в повозках. Эту привилегию, как считают историки, они получили в благодарность за свой вклад в сбор выкупа в 390 году до н. э.

В годы 2-й Пунической войны, когда погибло много народу, женщины страдали молча. Однако некоторых эта война сделала знаменитыми. В начале и в конце ее, если верить Плинию Старшему, в Риме жили две самые добродетельные женщины во всей истории этого государства. Первую звали Сульпиция: она была женой Фульвия Флакка, который четыре раза занимал пост консула. В соответствии с указаниями Сивилловых книг, ей было поручено освятить статую Венеры. В годы той войны, которая, казалось, никогда не кончится, люди в поисках помощи и совета частенько обращались к Сивилловым книгам. В 205 году до н. э., когда уже многие поверили в скорое наступление мира, книги сообщили, что Ганнибала удастся изгнать из Италии только после того, как из Пессина во Фригии будет принесена статуя Вели-

кой Матери. Обратились за советом в Дельфы; царь Пергамона, расположенного в Малой Азии, оказал римлянам помощь, и 4 апреля 204 года до н. э. по морю прибыла статуя этой богини, высеченная из черного камня. Этот день потом ежегодно отмечался большими состязаниями, которые получили название мегаленсия. Статую богини перенес на берег молодой П. Сципион Насик, которого в Риме считали человеком исключительных моральных качеств. После этого матроны доставили ее в Рим и установили в храме Победы на Палатине. Так рассказывает Ливий. Однако Ливий хорошо знал, что у этой истории есть другая версия, на ней особенно настаивали поэты и семья Клавдиев. Корабль, который привез статую богини, сел в устье Тибра на мель, и никто не мог снять его оттуда. Тогда из толпы вышла Клавдия Квинта, замужняя женщина, а вовсе не девственница-весталка, и громко заявила, что корабль последует за ней, если она действительно целомудренна (о Клавдии ходили нелесные слухи). Корабль двинулся вверх по Тибру, и эти слухи были развеяны. Когда в 191 году до н. э. на Палатине был освящен храм этой богини, при входе установили статую Клавдии; утверждали, что она, как и сама богиня, умеет творить чудеса. И вправду, храм дважды сжигали, но на статуе не появилось ни единого пятнышка.

О путешествии богини вверх по Тибру сэр Джон Фрейзер писал: «Людам, конечно, больше нравится легенда о чуде... но мы должны признать, что рассказ Ливия гораздо ближе к истине». Как это ни печально, следует с этим согласиться.

Нравственный упадок в послевоенные годы

Начиная с 200 года до н. э. ход событий фиксировали римские историки того времени, работы которых до нас не дошли. Но они были доступны Ливию и другим авторам, по книгам которых мы теперь и изучаем историю Рима. По крайней мере, мы ступили на твердую почву, или надеемся, что ступили.

Среди историков, живших в середине II века до н. э., чьи работы до нас не дошли, был Катон Старший, очень самоуверенный и грубый человек, живое воплощение суровой морали. По его мнению и по мнению других римских историков, это была эпоха невиданного падения нравов. Они расходились лишь в одном: в какое время началось это падение. Одни считали, что его породило ослабление общества, которое наступило после разгрома Ганнибала в 202 году до н. э. и окончания тяжелой 2-й Пунической войны. Другие полагали, что критическим моментом стал разгром Македонии в 3-й Македонской войне, когда в 168 году до н. э. произошла битва при Пидне и армии-победительницы, вернувшись в римскую Италию, заразили ее жителей любовью к искусству и роскоши, которая царила в грекоговорящем мире. Другим казалось, что моральный упадок начался в 146 году до н. э., когда Карфаген был полностью разрушен и у Рима в средиземноморском мире больше не осталось соперника, власти и могущества которого можно было бы опасаться.

Главным симптомом упадка нравов стала прогрессирующая эмансипация женщин и рост их самосознания. В 195 году до н. э. сенат отменил закон Оппия, принятый двадцать лет назад в условиях военного времени, который привел к тому, что женщины и те, кто разделял их взгляды, лишились благоразумия. Дошло до того, что женщины стали вести себя, как суфражистки XX века (борцы за права женщин. – *Пер.*). Во время дебатов в сенате они устраивали на улицах демонстрации. Одного этого было достаточно, чтобы убедить несговорчивого Катона, который был в тот год консулом, занять жесткую позицию. Именно он однажды произнес с горечью: «Все мужчины управляют своими женами, мы управляем мужчинами, а кто же управляет нами? Наши жены!» Ливий приводит текст длинной и помпезной речи, которую произнес Катон.

В свою «Историю» («Происхождение») Катон включил и описание собственной карьеры. Кроме того, нам известно, он вставил в эту книгу и тексты своих речей, так что если историки,

на основе трудов которых Ливий писал свою книгу, использовали «Историю» Катона, то можно надеяться, что у Ливия мы читаем речь, которую тот действительно произнес в 195 году в сенате. Историки, которым можно доверять, полагают, что это действительно так. Тем не менее существует мнение, будто это не подлинная речь, а придуманная, и автор ее либо сам Ливий, либо историк (вероятно, Валерий Антиас), труд которого тот использовал. Во всяком случае, если это и выдумка, то очень хорошая. Такую речь не постеснялся бы произнести и сам Катон, а с некоторыми изменениями и многие викторианцы.

«Если бы всякий женатый мужчина заботился о том, чтобы его собственная жена смотрела на него с почтением и уважала бы его, мы не имели бы и половины тех проблем, которые создают нам женщины. Вместо этого женщины приобрели столько власти, что мы лишились свободы в своих собственных домах, а теперь нас уже топчут и унижают публично. Нам не удалось усмирить их по отдельности, и теперь они объединились, чтобы ввергнуть нас в панику... Несколько минут назад я, сгорая со стыда, пробирался через целый полк женщин, чтобы оказаться здесь. Мое уважение к положению и скромности каждой женщины в отдельности, уважение, которого я не чувствую, когда они собираются толпой, не позволяло мне, как консулу, сделать что-нибудь, что допускало бы применение силы. Мне надо было бы сказать им: «Чего вы хотите добиться, бегая по улицам, чего прежде никогда не бывало, мешая движению и крича на мужчин, которые не являются вашими мужьями? Неужели вы не могли задать свои вопросы дома, и задать их своим мужьям? Или вы думаете, что на публике вас выслушают внимательнее, чем дома, что мужья других женщин воспримут ваши слова скорее, чем ваши собственные мужья? И дома, если женщины достаточно скромны, чтобы ограничить свои интересы тем, что их касается, они ни в коем случае не должны проявлять интерес к тому, какие законы были приняты в этом доме, а какие – отклонены...»

Женщина – это дикое и неконтролируемое животное, и не стоит отдавать ей в руки вожжи, думая, что она не сойдет с пути. Нет, вы должны крепко держать бразды правления в своих собственных руках, иначе обнаружите, что это дело совсем незначительное, по сравнению с другими ограничениями, налагаемыми на женщин обычаями или законами, которые женщины презирают и ненавидят. Они хотят одного – полной свободы или, если говорить прямо, полной вседозволенности. Уж если они задумали решить нынешнюю проблему бунтом, то что они сделают в следующий раз? Вспомните, сколько запретов было введено в прошлом, чтобы ограничить их вседозволенность и подчинить их своим мужьям. И несмотря на эти запреты, вам с трудом удастся их контролировать. Предположим, вы позволите им приобрести возможность выбивать из вас одно право за другим и в конце концов добиться полного равенства с мужчинами, так неужели вы думаете, что сможете все это терпеть? Чепуха! Добившись равенства, женщины станут вашими господами...

Я не вижу ни смысла, ни прока в некоторых их жалобах. Вероятно, некоторым женщинам кажется вполне естественным злиться и стыдиться, если им не позволяют обладать тем, чем владеет другая женщина; однако сейчас, когда ограничения в одежде применяются повсеместно, стоит ли женщинам бояться, что на них будут с презрением указывать пальцем? Жить экономно или в бедности – это последнее, чего следует стыдиться; но, благодаря закону, вам не требуется стыдиться ни того ни другого. Чего у вас нет, вам не позволено иметь по закону. Конечно, богатые женщины презирают такое равенство. Почему, спрашивают они, мы не можем стать привлекательными для всех, облачившись в пурпур и золото? Почему другие женщины, которые не могут себе позволить подобной роскоши и защищены этим законом, думают, что они тоже так бы оделись, если бы им позволял закон? Я спрашиваю вас – вы что, хотите, чтобы началось соперничество в одежде? Богатые женщины хотят носить платья, которые никто в мире не может себе позволить, бедные женщины тратят больше того, что имеют, потому что иначе на них будут смотреть с презрением? Если вы ощущаете стыд безо всякой причины, то вам уже не будет стыдно тогда, когда это нужно. Если женщина может себе что-

нибудь позволить, она это купит; если нет, то обратится к своему мужу за деньгами. И жалок тот бедный муж, который уступает своей жене, и тот, который не уступает. Если он не найдет денег, их найдет другой...»

Речь, которую произнес трибун Л. Валерий, защищавший противоположную точку зрения, была не менее пылкой:

«В то время когда все наслаждаются возрождением всеобщего процветания, наши жены, похоже, не получают никаких выгод от восстановления мирной жизни. Мужчины конечно же будут носить пурпурные тоги, если они служат судьями или жрецами; это же касается и наших сыновей; это же касается и важных персон в провинциальных городах и здесь в Риме, даже чиновников на местах, которые, в конце концов, не относятся к сливкам общества. На это мы не имеем никаких возражений, и не только во время их жизни, но и после смерти, когда их сожгут в пурпурных одеждах. Но женщинам, видите ли, носить пурпурные одежды запрещено. Если вы мужчина, то вам позволено покрывать свое седло пурпуром; женщине же, которая занимается вашим домашним хозяйством, надевать пурпурное платье запрещено; таким образом, ваша лошадь будет экипирована лучше, чем ваша жена.

Однако, когда пурпур изнашивается, его выбрасывают, и здесь я вижу кое-какое основание, хотя и несправедливое, для вашего упрямства. Но что вы скажете о золоте? Вам, может быть, придется заплатить златокузнецу за его работу, но золото само по себе никогда не теряет своей ценности. И для частного человека, и для государства, как показали недавние события, это полезная форма вложения капитала.

Но если принять за истину следующий аргумент Катона, в государстве, где никто не владеет золотом, между женщинами не может возникнуть ревнивого соперничества. А что же мы наблюдаем сейчас, когда все без исключения женщины чувствуют себя обиженными и злятся? Они смотрят на жен наших латинских союзников, и что же они видят? Этим женщинам разрешено носить украшения, которые запрещены римским женщинам; эти женщины поражают нас красотой в своих золотых и пурпурных облачениях; эти женщины ездят по улицам Рима, а нашим приходится ходить, словно это не римляне, а наши латинские союзники правят империей. Это и мужчинам покажется странным. Что же тогда говорить о женщинах, которых может расстроить любой пустяк? Женщины не могут занимать посты жрецов и судий, праздновать триумфы и приобретать украшения или подарки или трофеи войны. Элегантность, ювелирные украшения и красоту – вот что ценят женщины; все это составляет то, что прежние поколения называли «женским туалетом». От чего приходится отказываться женщинам во время траура? От пурпура и золота. А когда время траура заканчивается, именно это они и надевают. Как они отмечают праздники и святые дни? Меняя одежду и облачаясь по этому случаю в самые лучшие свои наряды.

Перехожу к следующему аргументу Катона: если вы отмените закон Оппия, то никогда уже больше не сможете наложить ни одного ограничения, которое теперь накладывает этот закон; и обнаружите, что уже больше не можете контролировать своих дочерей, своих жен и даже сестер. Независимость, которую они приобретут, потеряв своих родителей или овдовев, – это то, от чего они умоляют их избавить. Что касается их внешнего вида, то они скорее согласятся с вашими требованиями, чем с требованиями закона. А вы, со своей стороны, не должны превращать своих женщин в рабынь и называть себя их господами; вы должны заботиться о них и защищать их; о вас должны говорить, как об их отцах или мужьях».

Хорошо это или плохо, но победил либеральный взгляд. Валерий Максим, живший более двух веков спустя, в эпоху императора Тиберия, считал, что это были черные времена в истории Рима. «Окончание Второй Пунической войны... поощряло более скудный образ жизни. Замужние женщины не побоялись запереть трибунов М. и П. Юниев Брутов в их домах, поскольку те собирались наложить вето на отмену закона Оппия... Им удалось одержать победу, и закон, действовавший в течение 20 лет, был аннулирован. Это произошло потому,

что мужчины того времени не представляли, до каких крайностей может довести женщин их непреодолимая страсть к обновлению одежды или до чего дойдет их развязность после того, как они начнут добиваться отмены неугодных им законов. Если бы они могли предвидеть, во что превратится погоня за модой, когда ни дня не сможет пройти без изобретения какого-нибудь нового дорогого платья, они задавили бы эти экстравагантные стремления в самом зародыше. Но почему мы говорим только о женщинах? Лишенные интеллектуальных способностей и возможности развивать более серьезные интересы, они, естественным образом, сосредоточили свое внимание на том, чтобы их внешность производила все более потрясающее впечатление. А что же мужчины?...»

Вакхический скандал

Спустя девять лет: 186 год до н. э.

П. Эбутий, отец которого служил в кавалерии и погиб во время войны, имел опекуна. После его смерти воспитанием Эбутия занялись его мать Дурония и ее второй муж Т. Семпроний Рутил, в которого она была безумно влюблена. Не желая представить отчет о том, как управлял собственностью пасынка, Рутил столкнулся с выбором – либо убить его, либо полностью подчинить своей власти. Одним из способов было развратить юношу во время вакханалии. Поэтому Дурония послала за сыном и сообщила ему, что, когда он болел, она пообещала, в случае его выздоровления, приобщить его к вакхическому культу. Ее молитвы были услышаны, и она решила выполнить свое обещание. Он должен провести десять дней в полном воздержании, потом пообедать и, после исполнения ритуала, войти в храм Вакха.

В их городе жила девушка, которая когда-то была рабыней, по имени Гиспала Феция, по натуре своей слишком добродетельная, чтобы заниматься своей профессией. Она была знаменитой куртизанкой – ее принудили к этому, когда она была еще рабыней. Получив свободу, Гиспала не стала менять свой образ жизни. Она жила неподалеку от молодого Эбутия и была его любовницей, но не слишком дорогой, так что не наносила вреда ни его кошельку, ни репутации. Гиспала была искренне привязана к Эбутию, а поскольку родители не оставили ему никаких средств к существованию, то он жил на ее средства. Женщина любила его так сильно, что, когда ее покровитель умер и она обрела независимость, решила обратиться к властям с просьбой дать ей наставника и составила завещание, назвав своим единственным наследником Эбутия. Их любовь была так сильна, что они не имели секретов друг от друга; и юноша с улыбкой сообщил ей, что пусть не удивляется, если не увидит его несколько ночей, поскольку, по религиозным соображениям, он хочет быть инициированным в культ Вакха, во исполнение обета, данного во время его болезни.

– Боже сохрани! – в ужасе воскликнула Гиспала. – Уж лучше нам с тобой умереть. Пусть проклятия и гибель падут на голову того, кто убедил тебя сделать это!

– Прибереги свои проклятия для кого-нибудь другого, – урезонил ее Эбутий в ответ. – Мне велела сделать это моя собственная мать, а отчим ее поддержал.

Он не мог понять, почему Феция восприняла сообщенную ей новость с таким негодованием.

Тогда она сказала:

– Я не имею права осуждать твою мать; но скажу вот что: твой отчим хочет во что бы то ни стало погубить твою душу, твою репутацию, твои надежды и саму твою жизнь.

Эбутий еще больше удивился, а когда спросил ее, в чем дело, она стала умолять богов простить ее за то, что, побуждаемая горячей любовью, она вынуждена рассказать ему то, о чем говорить нельзя. Будучи рабыней, она должна была сопровождать свою госпожу в храм Вакха, но, когда стала отпущенницей, ее нога туда больше не ступала. Она знала, что это пристанище разврата и что в течение двух лет Вакху не было посвящено ни одного человека старше два-

дцати лет. Вначале, словно священную жертву, человека передают жрецам, которые отводят его туда, где ужасающий шум, рев, заклинания, грохот цимбал и барабанов заглушают его крики, когда его насильно совращают. Гиспала отказывалась отпустить его домой, пока не добились обещания, что он откажется от мысли подвергнуться этой процедуре.

Эбутий вернулся домой. Мать объяснила ему, какой ритуал он должен исполнить в этот день и все последующие; тогда в присутствии отчима он заявил: «Я отказываюсь это делать. Я не хочу проходить ритуал посвящения Вакху». Услышав это, мать воскликнула: «Я знаю, в чем причина! Ты не можешь и десяти дней прожить без своей Гиспалы! Эта грязная сучка подчинила тебя, ты потерял уважение к матери и отчиму, и даже к богам!» Утратив над собой контроль, мать и отчим с помощью четырех рабов выставили юношу из дома, и он отправился к своей тетушке Эбутии, объяснил ей, почему его выгнали, и, по ее совету, на следующий день рассказал свою историю консулу Постулию, закрывшись с ним наедине. Консул велел ему через два дня явиться к нему домой.

Консул отправился к своей теще, Сульпиции, которую все очень уважали, и спросил ее, знает ли она старую женщину по имени Эбутия, которая живет на Авентине. Сульпиция ответила, что хорошо знает эту старомодную даму, которая славится редким здравомыслием. Постулий сказал, что хочет с ней поговорить, и попросил Сульпицию послать за ней кого-нибудь из слуг. Эбутия вскоре пришла, и в разговоре консул, якобы случайно, упомянул имя ее племянника. Услышав это, Эбутия разразилась слезами и с огорчением рассказала о несчастьях, постигших молодого человека, – он был лишен всех своих владений теми, кто должен был больше других заботиться о нем, выгнан из дому своей матерью и живет теперь с ней, и все потому, что он добродетельный молодой человек. Да простит ее Господь за то, что она рассказывает об этом, но он отказался быть посвященным в культ, который, если верить молве, крайне непристойен.

Выслушав ее рассказ, консул понял, что Эбутию можно доверять. Он попрощался с пожилой женщиной и попросил свою тещу, не теряя времени, послать на Авентин и привести в его дом освобожденную рабыню Гиспалу, которую, очевидно, хорошо знают соседи, поскольку он хочет задать ей несколько вопросов. Узнав, что, по непонятной причине, ее вызывают в дом столь достойной и уважаемой дамы, Гиспала испугалась. Прибыв туда и увидев в зале консула и его слуг, она упала в обморок. Ее отнесли в отдаленную комнату, и консул стал расспрашивать ее в присутствии своей тещи. Он заверил Гиспалу, что если она расскажет ему правду, то может рассчитывать на слово Сульпиции и его собственное, что никто не причинит ей вреда. Все, что ему от нее нужно, – это узнать, что происходит во время вакханалий в пещере Семела после наступления темноты.

После этих слов Гиспала поежилась от страха и едва нашла силы заговорить: «Когда меня посвятили вместе с хозяйкой, я была еще девочкой. И в течение нескольких лет, после своего освобождения, не знала, что там происходит». Консул похвалил ее за то, что она призналась в причастности к культу Вакха, и стал убеждать рассказать ему все. Когда она заявила: «Я сообщила вам все, что знаю», пригрозил, что если им придется подвергнуть ее допросу, чтобы узнать всю правду, то к ней уже будут относиться совсем по-другому. Ей лучше во всем признаться сейчас, так как один человек уже сообщил им то, что рассказала она.

Догадавшись, что ее секрет выдал Эбутий, она упала к ногам Сульпиции и стала умолять не принимать слова, сказанные бывшей рабыней своему любовнику, всерьез и не доводить дело до смертной казни. Она и вправду ничего не знает и завела с Эбутием речь о культе только для того, чтобы напугать его.

Тут Постулий потерял терпение и заявил: «Ты, по-видимому, думаешь, что сумела одурачить своего любовника, но забыла, что находишься в доме уважаемой дамы и в присутствии консула». Но Сульпиция подняла обезумевшую от страха девушку и стала ее успокаивать; одновременно она уладила и своего зятя. Когда Гиспала вновь обрела уверенность в себе,

она принялась проклинать Эбутия за то, что он так жестоко отплатил за ее великодушие. Еще она сказала, что если раскроет тайны ритуалов, то на нее обрушится гнев богов, а еще сильнее рассердятся поклонники вакхического культа, которые, узнав о предательстве, разорвут ее на части. Она умоляла Сульпицию и консула тайно вывезти ее из Италии в такое место, где она сможет прожить остаток своих дней в безопасности. Консул заверил ее, что лично проследит, чтобы ее жизни в Риме ничто не угрожало.

После этого Гиспала рассказала о происхождении ритуалов. Сначала это был женский храм, куда мужчин не допускали. В году отмечали три праздника, во время которых при свете дня исполнялись вакхические ритуалы, а роль жриц по очереди исполняли замужние женщины. Однако жрица из Калиганьи по имени Пакулла Анния заявила, что ей якобы явился бог и потребовал все изменить. Она первая посвятила в этот культ мужчин: своих сыновей, Миния и Херенния Церриниев; она же изменила и время проведения церемонии. Теперь она начиналась после наступления темноты; Пакулла также увеличила число церемониальных дней – с трех в год до пяти в месяц. После того как мужчины стали отправлять культ бок о бок с женщинами, предаваясь разврату под покровом темноты, начали твориться безобразия и преступления. В ритуалах стали преобладать извращения. Отказ мужчин от этих греховных практик означал смерть. Поклонники культа Вакха не признают никаких моральных ограничений, и это составляет самую суть их религии. Мужчины вели себя словно одержимые: их члены им не подчинялись, они несли всякую чушь; замужние женщины одевались вакханками, распускали волосы, бегали на берег Тибра, опускали в воду горящие факелы, и они там не гасли (поскольку их обмазывали серой, смешанной с известью). Мужчин привязывали к механизму, который затаскивал их в глубокие пещеры; им объясняли, что их утащили боги; это были мужчины, которые отказывались принимать участие в заговоре, преступлении или разврате. Число участников было огромным, почти половина всего населения; среди них были мужчины и женщины самых знатных фамилий. Два года назад они установили правило – принимать только юношей и девушек не старше двадцати лет, поскольку молодых людей легче всего развратить и испортить.

Таков был ее рассказ, и, закончив его, она снова упала на колени и стала умолять отправить ее в безопасное место. Однако консул спросил свою тещу, может ли она отдать часть своего дома, чтобы там поселилась Гиспала. Теща согласилась, и в распоряжение бывшей рабыни были предоставлены комнаты наверху. Вход на внешние лестницы был перекрыт, и в ее комнаты можно было пройти только изнутри. В дом перенесли вещи Гиспалы и перевели ее слуг. Эбутию было велено поселиться в доме одного из помощников консула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.